Так как Мо Исюань стоял над Нан Уюэ, все, что он мог видеть, это то, что его мастер, сердито смотрел на него сверху вниз. Хотя его лицо и было наполовину скрыто длинными прядями черных волос, он все равно увидел выражение его лица…

… оно было полно гнева, смешанного с ненавистью!

Очень хорошо, Мо Исюань. Даже когда ты показываешь мне свое истинное лицо, ты все равно пытаешься скрыть его от остального мира!

Лицемер!

- Ш-шизун, я…

- Тихо, - Мо Исюань заставил его замолчать, не сводя глаз с бледно-белой ленты на указательном пальце. Что это за колдовство? Он был уверен, что выбросил эту штуку наружу, как только проснулся. Кроме того, действительно Ли Цин сказала: "шесть дней"?

Если Нан Уюэ действительно ждал так долго, то это означало, что Мо Исюань сам проспал по меньшей мере шесть дней!

Но сейчас это его волновало меньше всего. Он снова снял кольцо. У него небыло карманов, чтобы положить его, и не привыкший засовывать вещи в рукава, Мо Исюань закончил тем, что держал предмет в ладони, изучая своего ученика. В возрасте семи лет Нан Уюэ был принят в секту, а два года спустя Мо Исюань официально избрал его основным учеником. Тогда это никого не удивляло: у мальчика был огромный потенциал для развития. И все же с этого момента все пошло под откос.

Мо Исюань лично научил Нан Уюэ всему, что знал, но ни одна из его техник или навыков не прижилась. Даже основы, усвоенные всеми учениками горы Цзиньтин, были безнадежны для тела мальчика. В течение многих лет он изо всех сил пытался добиться прогресса, одновременно ставя в неловкое положение своего мастера и других учеников. Нан Уюэ всегда был послушным, тихим мальчиком, поэтому постоянные неудачи только делали его более неуверенным и жалким. Он бы полностью ушел в себя, если бы не последовательное, терпеливое руководство своего мастера, который упорно защищал, учил и поддерживал его. Из-за этого никто не осмеливался пренебрежительно отзываться о Нан Уюэ вслух, но за его спиной о нем много говорили.

Более красноречивым, как заметил Оуян Чэ, был тот факт, что Мо Исюань никогда не беспокоился о том, чтобы остановить их - и намек на то, что этот человек был совсем не таким, каким казался на поверхности.

А потом, три месяца назад, все снова изменилось. Нан Уюэ внезапно начал прогрессировать в своем развитии, в то время как Мо Исюань становился все строже и более склонным выражать свое неудовольствие. Внешне они все еще оставались кротким учеником и его серьезным учителем, но динамика изменилась: казалось, что Нан Уюэ каким-то образом одержал верх, взяв под контроль свое собственное совершенствование. Добавьте это к таинственным "травмам", от которых продолжал страдать Мо Исюань, и он мог догадаться, что между ними бушуют бурные воды.

Он глубоко вздохнул.

- Ты… - начал Мо Исюань.

- Шизун знает мои обиды! - немедленно сказал Нан Уюэ, кланяясь до земли. - Пусть Шизун назначит наказание!

Цин яростно замотала головой. - Пиковый Лорд Мо, пожалуйста, проявите милосердие! Старший брат Нэн целую неделю ничего не ел и не пил. Он не развился до такой степени, чтобы его тело могло принять такое насилие! - теперь, когда у нее было время успокоиться, она снова стала называть Нан Уюэ его титулом.

- Мне казалось, я велел тебе оставаться на горе Лоцзя, - нахмурился Мо Исюань, глядя на своего ученика.

Нан Уюэ заметно колебался, но смело продолжал. - Я не мог успокоиться, зная, что все еще заслуживаю наказания.

- … почему ты настаиваешь на том, чтобы усложнять себе жизнь? - спросил Мо Исюань после паузы.

- Шизун как-то сказал, что нет прогресса без боли. Для этого ученика страдание вполне естественно.

- Значит, ты страдаешь, - глухо повторил Мо Исюань.

Нан Уюэ покачал головой. - Ученик может взять гораздо больше, чем это! - потому что я верну тебе боль в десятикратном размере. Нет, стократно!

Мазохист. Выражение лица Мо Исюаня на секунду стало странным, прежде чем он отступил. - Делай, как хочешь.

- Пиковый Лорд Мо! - встревоженно вскинула голову Цин. - Он не может…

- Это твоя гора или моя? - перебил ее Мо Исюань. Цин замерла, затем склонила голову к земле.

- Цин была неосторожна со своими словами, да простит меня Повелитель Пика Мо!

Мо Исюань только вздохнул. - Оставь нас. Мне будет трудно объяснить все это пиковому лорду Му, если ты простудишься.

Цин прикусила губу. В следующую секунду она приняла твердое решение и поднялась на ноги. - Ученица Цин просит прощения за свои прегрешения. Я пренебрегла своим долгом, и у меня все еще есть дела для моего мастера, поэтому я должна вернуться. Пусть Пиковый Лорд Мо проявит милосердие! - она закончила свою болтовню, протягивая сверток ткани, который держала на коленях. Мо Исюань неохотно протянул руку и взял его, но больше ничего не сделал с мешком.

- Э-э… там внутри лекарства и всякое такое. И еда тоже, на случай, если старший брат Нан захочет поесть, - запинаясь, проговорила Цин.

У Мо Исюаня внезапно возникло ощущение, что Цин уже не в первый раз пытается убедить Нан Уюэ взять эти вещи. Если этот ученик был таким упрямым, каким казался, он, вероятно, отвергал ее каждый раз. Он с любопытством посмотрел на Нан Уюэ, но мальчик, казалось, был поглощен изучением дыры в земле. Он уже собирался принять сверток, когда в его голове прозвучали слова Оуян Чэ.

- Если тебе и нужно что-то помнить, так это то, что Мо Исюань ценит свою гордость превыше всего. Он никогда не станет охотно принимать помощь от других. Нан Уюэ хорошо знает это по

собственному опыту.

Какая головная боль. Но Мо Исюань отложил сумку в сторону и приказал: - Жди здесь.

Испуганная девушка могла только делать то, что ей было сказано, пока Мо Исюань вернулся внутрь. Через несколько минут он появился с одной из красивых декоративных бутылок, выстроившихся вдоль его полок. Внутри она была пуста, но сделана из хрустального камня, который мерцал даже в тусклом полуденном свете. Слабое присутствие ци вокруг ее поверхности убедило Мо Исюаня, что это ценный предмет.

- Гора Цзиньтин не нуждается в благотворительности, - пробормотал Мо Исюань, сунув предмет в руки Цин. - Это плата за товары. А теперь иди.

Цин Эр была так удивлена, что чуть не выронила бутылку. Встревоженная близким звонком, она повернулась и побежала вниз с горы, не сказав больше ни слова. Мо Исюань смотрел, как ее фигура исчезает в снежной дали, прежде чем остановить свой взгляд на Нан Уюэ.

- Как долго ты собираешься здесь оставаться? - спросил он.

Челюсть Нан Уюэ была упрямо сжата. - Пока шизун не велит мне встать! - несмотря на силу, стоящую за его словами, его голос был заметно хриплым.

"Я не твой шизун", - чуть было не повторил Мо Исюань, но в первые два раза это не произвело никакого эффекта. - Я никогда не принуждал тебя к этому, - заявил он вместо этого.

Затем он повернулся и вошел в дом, тихо прикрыв за собой дверь. Он оставил сумку с лекарствами и едой под крытой дорожкой, обрамляющей дверь, в безопасности от мокрого снега, таким образом, Нан Уюэ был брошен на неумолимый холод снаружи. Последним, что он видел перед собой, были развевающиеся полы его одежды, совершенно белые на фоне серого. Это было преходящее и эфемерное, возвышенное зрелище, далекое от человеческих миров. Но это лишь вызвало у юноши еще одну усмешку.

Когда-то давным-давно он был обманут, думая, что человек с нежными глазами и мягким голосом был бессмертным, спустившимся с небес, избрав его своим учеником, потому что он был особенным. Хотя он терпел неудачу и снова терпел неудачу, его мастер никогда не бросал его, но даже поощрял его продолжать попытки, когда он делился своими неудачами и победами.

Кто знал, что его мастер - всего лишь лжец?

Кто ожидал, что он станет источником всех его мучений?

Нан Уюэ отрицал это на каждом шагу, но, когда он, наконец, узнал правду, это охладило его кости и заморозило его сердце, пока вещь не разбилась на куски внутри него. Даже тогда осколки разрывали его изнутри, проливая кровь всякий раз, когда он думал об их прошлом и всех обещаниях, которые оно когда-то несло.

Он мог бы служить ему, повиноваться ему и притворяться, что восхищается им, но он никогда больше не будет доверять Мо Исюаню!

Войдя в здание, Мо Исюань наконец расслабил пальцы и разжал их, чтобы показать белое нефритовое кольцо, лежащее на его ладони. Несмотря на его свирепый взгляд, ответа не последовало. Он подумал, прежде чем бросить его на землю, где оно лежало неподвижно. Затем он медленно начал пятиться из комнаты, не сводя глаз с объекта. Нефритовое кольцо не сдвинулось с места, но в ту секунду, когда он зашел за стену, он почувствовал знакомую прохладу вокруг пальца и посмотрел вниз, чтобы снова увидеть его на своей руке.

Недовольный результатом, Мо Исюань снял его и бросил через всю комнату, где оно исчезло за складным экраном в кабинете. На этот раз он уставился на свой палец. И снова ничего не происходило, пока он не отвел взгляд - когда кольцо вернулось снова!

Он читал о своей воле магических предметов в романах о культивировании: такие вещи, как разумное оружие или редкие сокровища, которые могли распознавать владельцев и придерживаться их. Но что это за кольцо? Он пытался ткнуть и исследовать его, как пальцами, так и своей ци, но предмет настаивал на том, чтобы остаться невинным украшением. В конце концов Мо Исюань сдался. Если это окажется чем-то странным, он всегда сможет спросить об этом Оуян Чэ позже.

Вместо этого он направился к полке с разбитым фарфором, стараясь не наступить на осколки, разбросанные по земле. Осмотрев беспорядок, Мо Исюань решил, что потребуется целая вечность, чтобы собрать все это вручную. Что ж, теперь, когда он стал культиватором…

Он сосредоточенно прищурился, затем сосредоточился на единственном осколке на земле. Медленно, он начал дрожать, прежде чем подняться с крошечной дрожью в воздух. Довольный результатом, Мо Исюань мысленно держал его там, собирая вокруг него все больше кусочков. Шаг за шагом, кусок за куском, он в конце концов поднял все осколки вазы в воздух. Это был не телекинез, а просто манипуляция его ци, использование невидимых потоков энергии для поддержания и парения вещей в воздухе. Прошло по меньшей мере шесть дней с тех пор, как он окунулся в бассейн очищения ци, гораздо больше, чем те несколько дней, которые Оуян Чэ советовал ему отдохнуть. Теперь ему казалось более естественным использовать и циркулировать свою ци, почти как продолжение самого себя.

Конечно, если бы сам Оуян Чэ был здесь, чтобы наблюдать эту сцену, он был бы ошеломлен изысканным контролем Мо Исюаня. Там было по меньшей мере 50 отдельных предметов,

разбросанных по земле, и еще больше разбросанных по полкам, но Мо Исюань прекрасно схватил их все и закружил в нежном вихре в центре комнаты. Он оставил их парить в воздухе, размышляя о том, что древние делали с мусорными баками. Когда ничего сразу не пришло в голову, он решил избавить себя от хлопот и вместо этого раздавить все фарфоровые осколки. Как только эта мысль пришла ему в голову, осколки один за другим рассыпались в мелкие облака сверкающей пыли. Они лениво кружили друг вокруг друга в воздухе, создавая у Мо Исюаня впечатление внутреннего Млечного Пути. Удовлетворенный своим прогрессом, он мысленно собрал всю пыль в мерцающий шар, а затем поместил его в одну из больших пустых ваз по соседству.

После этого он еще раз обошел комнаты, в которые заглянул всего шесть дней назад, собирая там и сям лакомые кусочки. По-видимому, Мо Исюань также был поклонником прекрасных пейзажных картин и обладал обширной коллекцией настенных свитков в своем кабинете. Кроме того, в центре одной из комнат, откуда открывался прекрасный вид на горы, отдыхал прекрасный гуцинь. Если бы рядом стояли шахматы и стол для каллиграфии, Мо Исюань описал бы его как типичного ученого джентльмена - странно для человека, который якобы стремится к бессмертию. И, конечно, было странное перенаселение бутылок и ваз по всем комнатам. Они были всех размеров и форм и были сделаны из фарфора, нефрита или слоновой кости, разделенные полкой и комнатой. К концу своего путешествия Мо Исюань подсчитал, что вещи исчислялись сотнями, не считая полки, которую он сломал, и той, которую он отдал Цин Эр, гораздо больше, чем что-либо еще в резиденции.

Он не мог понять, зачем и когда одному человеку понадобилось столько контейнеров, но и не удосужился выяснить. А пока он решил оставить их такими, какие они есть, потому что поиск места для хранения или продажи потребовал бы огромных усилий на вершине горы посреди пустыни.

Когда день сменился сумерками, а затем ночью, Мо Исюань закончил свои исследования и устроился на циновке из кустарника у кровати. Оуян Чэ советовал ему медитировать ежедневно, когда это возможно, так что сейчас было самое подходящее время для начала. Его мысли на мгновение вернулись к мальчику, все еще стоящему на коленях за дверью, но быстро отодвинули его на задний план. Прежде чем уйти, он уже ясно дал понять свою позицию. Если Нан Уюэ собирался упрямо превратить себя в человеческое эскимо, то это был только его выбор. Итак, Мо Исюань направил свое сознание в глубокое состояние покоя и оставил мир позади.

Так прошел седьмой день.

-

Медитация принесла Мо Исюаню душевный покой, которого ему так не хватало в жизни. Это была смесь между ощущением всего и ничего одновременно, как будто он отдыхал в плавающем пузыре забвения, отрезанный от всего остального, даже от собственных мыслей. Его душа жаждала этого и погрузилась в такую глубокую тишину, что на следующий день, когда он проснулся, был уже полдень.

И снова он первым заметил этот звук. Мокрый снег растаял, превратившись в проливной дождь, который падал на землю, как пули, быстро, холодно и жестоко. Он остался сидеть, скрестив ноги и закрыв глаза, чувствуя всем своим существом знакомое присутствие последнего, стоящего на коленях за дверью. Нан Уюэ все еще был там, хотя и чувствовал себя слабее, чем раньше.

Не говоря ни слова, Мо Исюань поднялся на ноги и выскользнул из комнаты.

http://tl.rulate.ru/book/54102/1393859